

Андрей Шляхов



СКЛИФ

с к о р а я п о м о щ ь

Андрей Шляхов
Склиф. Скорая помощь

«Автор»

2013

Шляхов А. Л.

Склиф. Скорая помощь / А. Л. Шляхов — «Автор», 2013

Склиф – так в народе прозвали Научно-исследовательский институт Скорой помощи имени Н.В. Склифосовского. Сюда везут самых сложных больных и обращаются в самых отчаянных ситуациях. Здесь решают вопрос жизни и смерти и вытаскивают с того света. В этой больнице, как в зеркале, отражается вся российская медицина... Читайте новый роман от автора бестселлера «Клиника С.....» – неприукрашенную правду о врачах и пациентах, скромных героях, для которых клятва Гиппократы превыше всего, и рвачах в белых халатах, «разводящих больных на бабки», о фатальных врачебных ошибках и диагностических гениях, по сравнению с которыми доктор Хаус кажется сельским коновалом... Эта книга откроет для вас все двери, даже те, на которых написано «Посторонним вход воспрещен» и «Только для медицинского персонала», отведет за кулисы НИИ Скорой помощи, в «святая святых» легендарного Склифа!

© Шляхов А. Л., 2013

© Автор, 2013

Содержание

От автора	5
Общага	6
Идеальный пациент	13
«Лечебное» голодание	21
Прораб	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Шляхов

Склиф. Скорая помощь

От автора

Для того чтобы совпадения не мешали читать книгу, автор настоятельно просит считать их случайными. Имена, фамилии и отчества вымышленные. Склиф – настоящий. Он такой один, ни с чем его нельзя спутать. Кстати, поэт и лауреат Иосиф Бродский считал, что «наверно, тем искусство и берет, что только уточняет, а не врет, поскольку основной его закон, бесспорно, независимость деталей». Деталей в этой книге много, и все они независимы. Абсолютно независимы.

Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям...

Н.А. Некрасов, «Размышления у парадного подъезда»

Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо только у
первоклассных знаменитостей...

*Из письма В.И. Ульянова (Ленина) к Максиму Горькому. (Краков, ноябрь
1913 г.)*

Общага

– В Склиф? – удивилась мама.

– В Склиф! – подтвердила Инесса Карповна.

– Но Женя, вообще-то, хочет работать на крупной иностранной фирме. У нее же языки – английский и французский. Свободно.

– У меня тоже языки! Сейчас любой образованный человек просто обязан знать иностранные языки. А то скажут при тебе «ту бе, ор нот ту бе», а ты глазами хлопаешь, ни «бе» ни «ме»! Что же касается ваших иностранных фирм, то у меня одна сотрудница ушла в «О’ШО-П». Соблазнилась по глупости, как же – всемирная сеть гипермаркетов, хозяева итальянцы! Фу ты, ну ты... Так там в новогоднюю акцию всех из офиса, невзирая на лица и должности, погнали в торговый зал перелопачивать паллеты и выкладывать товары на полки. В ночную смену, заметьте себе! День отработай, съезди домой перекусить, а в ночь возвращайся обратно. Что об этом говорит Трудовой кодекс, я скромно промолчу! Короче, во время выкладки наехал на нее погрузчик, они же носятся туда-сюда как угорелые. Новый год у нас, в Склифе, встречала. В первом травматологическом отделении. Теперь судится с «О’ШОПом» своим. А ты, Вера, говоришь – иностранная фирма!

Инесса Карповна укоризненно посмотрела на маму, не столь укоризненно на Женю (молодая еще, что с тебя взять?), перевела дух и продолжила:

– Тридцать лет назад, когда я начинала работать, никаких инофирм в Москве не было. А Склиф – был! И всегда будет! Потому что – Склиф! А насчет языков ты, Женечка, не переживай, пригодятся тебе языки, человеку любое знание на пользу идет. Захочешь, уйдешь потом в какой-нибудь суперкрутой «импортный» медицинский центр. Там тебя с руками оторвут и сразу руководителем отдела персонала поставят, потому что ты будешь не только языки, но специфику медицинскую знать! Это ценится, ой как ценится. А пока можешь переводами заниматься. У нас многие доктора диссертации пишут, а английским не очень-то владеют, будешь им статьи переводить. Спокойный дополнительный заработок. И постоянный... Самое главное, что ты начнешь свою трудовую биографию не в гипермаркете каком-нибудь и не в торговом доме «Мухосранские помидоры», а в Склифе! Склиф – это... – Инесса Карповна запнулась в поисках подходящего эпитета, но, так и не найдя его, закончила тем же, чем и начала: —... Склиф! Таксисты, когда узнают, где я работаю, вместо денег телефончик просят! На всякий случай, от которого никто не застрахован. И просто замечательно, что ты, Женечка, дипломированный психолог. Нынче мода такая – продвигать на руководство кадрами не делопроизводителей, а только психологов. Чтобы уж по науке руководили...

Сама Инесса Карповна относилась к делопроизводителям, но в психологии разбиралась отменно. Во всяком случае, никто не рисковал в этом усомниться. Себе дороже связываться с Инессой Карповной – не прибить, так затопчет. «Не понимаю, Вера, как ты можешь дружить с этой железобетонной особой!», – удивлялся Женин папа. – «Это ты зря. Она совсем не такая», – отвечала мама. Маме положено было лучше разбираться в характере Инессы Карповны, как-никак в школе за одной партией семь лет просидели, с четвертого класса по десятый. И дружат с третьего класса, это ж представить невозможно, сколько лет!

– Ну так что, согласна?

Инесса Карповна смотрела на Женю серьезно, испытующе, даже можно сказать, что сурово смотрела. Когда на тебя так смотрят, сказать «нет» просто язык не поворачивается. Да и зачем говорить «нет»? На собеседовании в крупной логистической фирме Жене сразу же дали понять, что она им не подходит. Чем-то им ответы на вопросы не понравились, хотя отвечала на них Женя согласно всем правилам психологии. Специальность, как-никак. И вела себя правильно – сидела в открытой позе (никаких ног крестом или рук а ля Наполеон), где

надо, задумывалась на секунду-другую, где не надо – отвечала без запинки. Впрочем, может, их такое идеальное собеседование и насторожило?

В двух банках Женю «отфутболили» сразу, написав, что дипломированные психологи без опыта работы «не рассматриваются». Из кучи контор Женя вообще не получила ответа. Торговый дом «Плоды садов Эдема», переименованный Инессой Карповной в «Мухосранские помидоры», вроде как желал пополнить Женей свой отдел персонала, но Женя раздумывала. Не по поводу зарплаты (золотых гор сразу после института ждут только дураки), а потому что офис «Плодов Эдема» находился очень далеко – в Одинцовском районе, да и начальница отдела персонала не произвела на Женю хорошего впечатления. Тошная, дерганая, говорит с надрывом, взгляд как иголками нафарширован. С такой работать – пытка.

Но и дома сидеть на родительской шее тоже пытка. Скучно, стыдно, бесперспективно. А тут ездить недалеко – две остановки на метро, учреждение достойное, известное всем и каждому, и начальница, можно сказать, своя, «доставать» и «гнобить» точно не станет. Наорать Инесса Карповна может, может и словом острым припечатать, если напросишься. Но человек она хороший, свой в доску. Вот, например, сейчас – уговаривает, зовет к себе в отдел. А многие ли способны взять к себе дочь лучшей подруги? Немногие, ой немногие. Большинство побоится отношения испортить, если что не так пойдет. А Инесса Карповна искренне помочь хочет. Как тут сказать «нет»? И стоит ли?

– Да, согласна, – ответила Женя. – Когда на собеседование приходите?

– Вер, ну она дает, а?! Я сейчас умру! – Инесса Карповна заколыхалась в приступе смеха, на что стул под ней отозвался жалобным скрипом. – На собеседование?! Ко мне?! Когда?! Ха-ха-ха!

Отсмеявшись, Инесса Карповна долго вытирала глаза кружевным платочком (кружева были ее страстью), качала головой, между делом погрозила Жене пальцем, смотри, мол, у меня, так ведь и до гипертонического криза досмеяться можно, а затем сказала:

– Во вторник, шестого числа, без четверти девять будь у ворот, которые рядом с «подковой». «Подкова» – это директорский корпус, дом с колоннами, который стоит на Садовом кольце. Придешь с паспортом, свидетельством о присвоении ИНН, пенсионной карточкой, дипломом и тремя фотографиями три на четыре.

– И с тортиком! – добавил папа.

– Тортик подождет! – возразила Инесса Карповна. – Проставляться у нас положено с первой полочки, как во всех приличных местах. Тогда не только тортик, но и винца хорошего принести можно. А пока – приходи с тем, что я сказала. Оформлю тебя, с девчонками познакомлю и начнешь... да, вот еще что – купи два белых халата. Можно, конечно, и казенные получить, но они совсем простецкие, а у нас принято ходить в красивых халатах. Приталенных, хорошего качества. Мы же – администрация. Ну и про бытовое не забудь – чашку, ложку, презервативы.

При слове «презервативы» Женя улыбнулась, папа шумно вздохнул, а мама удивленно подняла левую бровь – неужели?

– Да шучу я, шучу! – улыбнулась Инесса Карповна. – Презервативы не обязательно. Во всяком случае, до новогодней вечеринки.

Такая она, Инесса Карповна. Говорит, что считает нужным, никого не стесняется. А вот папа ведет себя странно, можно подумать, что Жене семь-восемь лет, а не двадцать три года. Чего ради так страдальчески вздыхать? Сам, когда футбол смотрит, и не такие слова кричит.

– Только смотри, Женя, в институте соблюдай субординацию, – предупредила Инесса Карповна. – Это дома я тебе тетя Инесса, а на работе – Инесса Карповна. И слово мое – закон!

– Я понимаю, – кивнула Женя. – С этим проблем не будет, можете не волноваться, Инесса Карповна...

– Женя, а ты точно надумала в Склиф? – спросила мама, проводив гостью. – Или просто из вежливости согласилась с Инессой?

– Точно-точно, мам. Ну кто станет из вежливости соглашаться по таким вопросам? Из вежливости можно комплимент сделать, костюмчик похвалить, но место работы из вежливости не выбирают. Я, во всяком случае, так считаю.

– Но языки... – вздохнула мама.

В ее понимании знание иностранных языков должно открывать перед человеком поистине безграничные возможности. При условии, что это действительно знание, а не иллюзорная видимость его.

– Далась тебе эти языки, мам! Не делай из языков культа.

– А из чего тогда делать культ?

– Из Склифа! – довольно похоже копируя зычный голос Инессы Карповны, ответила Женя.

– Но ты же там еще ни разу не была, – мама суеверно постучала по дверному косяку.

– А уже прониклась!..

Еще больше Женя прониклась, пока они с Инессой Карповной шли от проходной до административного корпуса. Все встречные и поперечные (то есть те, кто шел не навстречу, а выходил сбоку) здоровались с Инессой Карповной не кивками на ходу или на бегу, а уважительно, с неизменным озвучиванием имени-отчества, некоторые даже останавливались.

– Я здесь не первый человек, но и не последний, – словно прочитав Женины мысли, сказала Инесса Карповна. – В нашей профессии, Евгения Александровна, многое зависит от того, как вы сразу себя поставите.

Официальное «Евгения Александровна», в домашних условиях употреблявшееся исключительно в ироничном смысле, звучало непривычно для Жениного слуха. Да и на «вы» к ней Инесса Карповна никогда прежде не обращалась.

Коллегам Женя была представлена так:

– Знакомьтесь, девочки. Это Евгения Александровна Овчинникова – наш новый специалист по кадровой работе. Прошу любить и помогать. Все мы когда-то начинали.

– Очень приятно, – чинно сказала худая блондинка, окидывая Женю оценивающим и не очень-то дружелюбным взглядом. – Раиса Андреевна.

– Татьяна Владимировна, – на секунду оторвавшись от компьютера, назвалась полная курносая шатенка и снова застучала по клавишам так ожесточенно, словно имела цель разбить клавиатуру, а не напечатать текст. Внимание Жени привлек облезлый лак на ногтях Татьяны Владимировны.

В общем, с коллегами Жене не повезло. Обе значительно старше, что-то около сорока. В Раисе Андреевне сразу чувствуется вредная зануда. Татьяна Владимировна производит лучшее впечатление, но с учетом разницы в возрасте подружиться с ней вряд ли получится – общие интересы разные.

– Марина Владиславовна у нас в отпуске, – Инесса Карповна указала рукой на один из двух свободных столов.

– Здоровье поправляет, – ехидно прокомментировала Раиса Андреевна.

На всякую суету, начиная с написания заявления и заканчивая обустройством рабочего места, ушло часа полтора.

– Девочки, не давайте скучать Евгении Александровне, – сказала Инесса Карповна и ушла. То ли к себе в кабинет, то ли по делам.

Специалисты по кадровой работе переглянулись, словно решая, кто именно даст Жене первое поручение. Выпала Раиса Андреевна. Она взяла со стола большой коричневый конверт и протянула его Жене.

– Евгения Александровна, отнесите, пожалуйста, эти документы Кузнецову в общагу.

Поручение было не из самых достойных. Женя имела полное право возмутиться и напомнить Раисе Андреевне, что она – специалист по кадровой работе, а не девочка на побегушках. Могла, но не стала. Во-первых, потому что поручение могло оказаться своеобразным тестом «на вменяемость», а во-вторых, ей пока совсем нечего было делать. «Заодно и с территорией ознакомлюсь», решила Женя. Взяла конверт и пошла в общагу, но, только спустившись с четвертого этажа на первый, осознала, что не имеет никакого представления о том, куда ей надо идти.

Возвращаться не хотелось – и примета не из самых лучших, и несерьезно как-то. Да и велика ли проблема? Первый встречный подскажет...

Первый встречный, понурый мужик с испитым морщинистым лицом, на вежливый Женин вопрос: «Скажите, пожалуйста, как пройти в общежитие?» – ничего не ответил, только плечами пожал. Второй встречный – носатый брюнет лет тридцати в шуршащем на ходу от своей невероятной накрахмаленности халате – сверкнул глазами, блеснул зубами и сказал:

– Если вам, девушка, жить негде, то этот вопрос легко можно решить! Живите у меня!

– Если вам, юноша, жить не с кем, то этот вопрос легко можно решить! – в тон нахалу ответила Женя и выразительно посмотрела на правую руку брюнета.

Брюнет покраснел и ушел, так и не ответив на вопрос.

Толстуха в неопрятном халате, услышав про общежитие, молча и некультурно покрутила пальцем у виска. «Народ здесь как-то не очень чтобы так», – подумала Женя и решила спросить кого-нибудь поинтеллигентнее.

Судьба сжалилась и немедленно послала ей навстречу представительного седовласого мужчину профессорского вида, только что без очков. Женя не знала, да и откуда ей было знать профессора кафедры нейрохирургии Каграманова, славящегося на весь институт своей склонностью к шуткам. От него Женя наконец-то получила внятный и четкий ответ.

– Да вон оно, в девятом корпусе.

Приземистый девятый корпус стоял на противоположной стороне огромного институтского двора. Женя переложила конверт из правой руки в левую и быстрым шагом пересекла двор. Заодно и осмотрела территорию.

Территория впечатляла. Многоэтажная громадина справа, низкая, но широко раскинувшаяся «подкова» слева и еще добрый десяток разномастных зданий. Это вам не Торговый дом «Плоды садов Эдема»... Никакого сравнения.

Историю первого, также называемого центральным, корпуса, построенного стараниями графа Шереметева, корпуса, с которого и начался Склиф, Женя знала. Почитала кое-что в Интернете о месте, в котором ей предстоит работать. Удивилась, когда узнала о том, что профессор Склифософский к институту имени себя не имел никакого отношения. Он, оказывается, заведовал хирургической клиникой Московского университета на Девичьем поле и руководил клиническим институтом великой княгини Елены Павловны в Петербурге.

Увидев вывеску «Патологоанатомическое отделение», Женя не поверила своим глазам. Зажмурилась, потрясла головой, открыла глаза и с минуту стояла оцепеневшая, удивляясь и негодуя. Как только вернулся дар речи, помянула вслух солидного шутника недобрым матерным словом.

– Что такое? – поинтересовалась проходящая мимо женщина средних лет в высоченном, почти поварском, колпаке, явно призванном компенсировать недостаток роста вместе с высокими каблуками, цокот которых разносился по всему двору.

– Ничего, – немного резковато ответила Женя.

– Хм! – пожав плечами, женщина зацокала дальше.

Женя проводила ее взглядом, удивляясь, как можно ходить на работе – да еще в медицинском учреждении – на таких каблуках, и начала соображать, где могло находиться общежитие. Спрашивать больше никого не хотелось. В Склифе явно были свои представления о

шутках юмора, и эти представления Жене совершенно не нравились. Один в морг послал, другой – в какой-нибудь виварий отправит. По мнению Жени, в научном медицинском институте непременно должен был быть виварий. Нет, лучше уж самой сообразить.

«Подкова» отпадала сразу. В старинных исторических зданиях общежитию делать нечего, там скорее дирекция разместится и музей. В административном корпусе общежития тоже не было. Во всяком случае там не было ни соответствующих вывесок, ни соответствующих объявлений, ни запаха приготовляемой еды, неизбежного в местах проживания людей. Обоняние у Жени было замечательно чутким. Отпадал и девятый корпус, который можно было считать общежитием только с натяжкой. Если включить логику, то долго искать не придется.

Прежде чем включать логику, Женя внимательно рассмотрела конверт. Шерлок Холмс начинал со сбора улик, а уже потом принимался дедуктировать. Увы, конверт был нов и девственно чист. Без надписей, марок и почтовых штемпелей. А еще он был заклеен. Внутри, если судить на ощупь, находилось от пяти до десяти листов бумаги формата А4. И предназначался конверт человеку по фамилии Кузнецов. Распространенная фамилия, в Склифе небось десятков Кузнецовых. Был бы, например, какой-нибудь Попандопуло или Готье, так можно было бы спросить где его найти. Может, не в общежитии нашла бы его, а где-то на территории, в каком-нибудь из отделений.

В здании сбоку от девятого корпуса оказалась лаборатория. Напротив находился архив, рентгенологический. С каждым осмотренным зданием шансы увеличивались... Женя дошла до «подковы» и перешла на другую сторону двора к длинному зданию, в котором интуитивно распознала общежитие. Снова облом – «общежитие» оказалось ожоговым центром. «Значит, одно из вон тех», подумала Женя и направилась к двум корпусам, расположенным прямо напротив административного. По пути удивляясь коварству седовласого джентльмена, совершенно не по-джентльменски уславшего ее в морг. Женя остановила его, можно сказать, в проходе между этими зданиями, а он услав ее куда подальше, да еще – в морг. Седина в голову – мозги вон.

Первый из двух корпусов оказался кардиологией.

Второй – токсикологией.

В состоянии, близком к панике, Женя метнулась к маленькому домику, стоявшему позади токсикологического корпуса, и узнала, где находится институтский виварий. Склиф был обойден ею по внутреннему периметру. Оставался неисследованным только самый большой корпус, но предположить, что на одном из его этажей расположено общежитие, Женя не могла.

Спросила еще у одного усатого типа в белом халате. Тип оказался студентом, совершенно не разбирающимся в топографии Склифа. Хорош студент – на вид лет тридцать пять, если не сорок. Это сколько же раз он поступал? Или просто выглядит старше оттого, что небрит и явно устал, не иначе как дежурил.

В хорошенькую Женину голову закралась страшная мысль. А не разыграла ли ее Раиса Андреевна? Может, нет и не было никогда в Склифе никакого общежития, а в конверт только для вида напиханы какие-нибудь бумаги – чистые листы или черновики? Так, ради прикола, чтобы посмеяться над новенькой. Не распечатать ли конверт?

Немного подумав, Женя все же отклонила мысль о розыгрыше. Ну просто невозможно было представить, что в службе, которой руководила Инесса Карповна, могли укорениться подобные традиции. И также невозможно было представить, что Инесса Карповна могла бы не предупредить о них Женю. Нет, это не розыгрыш. Однозначно – не розыгрыш. Общежитие есть, и Женя его найдет. Непременно найдет, отдаст конверт тому Кузнецову, которому нужно, и поставит галочку – «справилась с первым поручением».

Догадка молнией сверкнула в мозгу, и все сразу же встало на свои места. Женя вспомнила парочку голливудских фильмов, рассказывавших про жизнь американских врачей, в том числе

и начинающих, которые жили прямо при клиниках. В том же здании, только в подвальном этаже. Или на самом верху. Прозвенел звонок – натянул халат и побежал спасать.

«Надо было сразу идти сюда», – подумала Женя, окрыленная предчувствием долгожданного успеха. Идти было недолго, особенно если быстрым шагом.

Охранники в приемном покое общежития не знали. Оно и верно, рассудила Женя, охранники дальше своего поста ничего знать не должны. Нет у этих суровых мужчин времени на прогулки по общежитиям. Женя спросила у пожилого врача по фамилии Бутаков (имени и отчества на бейджике прочесть не успела). Бутаков улыбнулся, как родной, и обвел рукой огромный вестибюль приемного отделения.

– Вот оно, перед вами. Здесь работаем, здесь и живем!

Ничего не ответив, Женя продолжила поиски. Ну и Склиф – юморист здесь на юмористе сидит и юмористом погоняет. Им бы по телевизору выступать. Странно только, что у Склифа нет своей команды КВН. Ну ничего – прорвемся!

На объезд и знакомство с этажами ушло полчаса. Проклятое общежитие как сквозь землю провалилось. «Может оно нелегальное?», мелькнула мысль, но Женя тотчас же отогнала ее. Это же все же Склиф, а не Черкизовский, недоброй памяти рынок, где у Жениной мамы в две тысячи первом году вытащили из сумочки кошелек с двенадцатью тысячами рублей. Здесь нелегального общежития просто не может быть.

По определению и по логике вещей. Только вот где его искать?

– Где эта проклятая общага?! – вслух сказала Женя, в сердцах ударяя ни в чем не повинным конвертом по кнопкам в лифте.

– Я вас провожу, – сказал единственный пассажир – блондин лет сорока в зеленой хирургической пижаме и халате нараспашку. На кадыкастой шее блондина болталась хирургическая маска, а из кармана халата сонной змеей свисал фонендоскоп. – Мне тоже туда.

От неожиданности Женя выронила многострадальный конверт. Блондин галантно поднял его и, увидев написанную на конверте фамилию, предложил:

– Могу передать Михалычу.

– Нет, нет! – затрясла головой Женя, испугавшись, что так и не увидит общежития и не узнает, где оно находится. – Спасибо, но я сама. Мне поручили.

– Как скажете, – пожал плечами блондин.

Конверт вернулся к Жене под шум открываемых дверей. Блондин вышел, следом за ним вышла Женя.

– Вам в уличной обуви и без колпака к нам заходить не стоит, – сказал блондин. – Подождите, пожалуйста, здесь, я сейчас пришлю Михалыча.

Михалыч Кузнецов появился минуты через три, не раньше, но Женя не заскучала в ожидании. Она стояла под надписью «Отделение общей реанимации» и содрогалась от смеха.

Общая реанимация может на внутреннем сленге называться «общагой», но вряд ли кто-то вспомнит о ней, когда серьезная молодая особа интересуется общежитием. Комедия, чистой воды комедия.

– Какие алименты, Бог с вами?!

Женя вернулась в реальность и увидела перед собой невысокого коренастого мужчину. Колпак, надвинутый до самых бровей, придавал ему серьезности.

– Какие алименты? – недоуменно повторила Женя.

– Я – Кузнецов! Сан Саныч сказал, что мне повестку в суд по алиментным делам принесли, – пояснил мужчина. – Может, вы меня с Лехой Кузнецовым из «отравы» перепутали? Ему алименты как-то ближе.

«Еще один юморист, – раздраженно подумала Женя о блондине. – Ладно, этот хоть привел куда надо».

– Раиса Андреевна из кадров просила передать вам документы, – строго сказала Женя. – Больше я ничего не знаю. Скажите – а это что? Кровь?

– Где? А-а, это... – Кузнецов немного смутился и прикрыл красные пятна на халате конвертом. – Это кетчуп. Только сел червячка заморить, тут Сан Саныч со своими алиментами. Рука у меня и дрогнула.

– Человек вашей профессии не может быть таким нервным, – назидательно сказала Женя.

– Я не человек, – серьезно ответил Кузнецов, неаккуратно вскрывая конверт указательным пальцем. – Я биоробот. Человеком я стану, когда отосплюсь после двух суток. И нервы сразу в порядок придут. До следующего дежурства.

Идеальный пациент

Славик Воронов прославился на всю Москву, не очень умно и совсем не достойно отомстив новому мужу своей бывшей жены. В студенческую пору Исаев со Славиком были приятелями. Не друзьями, а именно – приятелями. Не откровенничали друг с другом, в походы вместе не ходили и отдыхать не ездили, но при случае могли вместе где-нибудь потусоваться или дать займы небольшую сумму. Обоим посчастливилось после института попасть в Склиф. «Посчастливилось» – это без пафоса, потому что лучшего места для превращения Обладателя Диплома в Настоящего Врача найти невозможно. И придумать, кстати говоря, тоже.

Исаев дорос до кардиолога-реаниматолога высшей категории с четкой перспективой на заведование. Славика зеленый змий утянул вниз – делать УЗИ в районной поликлинике рядом с домом. Настал день – и от Славика ушла жена. Так часто бывает – поборешься, поборешься за человека, да и устанешь от этой борьбы. И какой, вообще, смысл бороться за того, кто сам не хочет бороться.

Жена ушла недалеко – к своему сослуживцу, жившему на соседней улице. Так тоже часто бывает – сначала один человек подвозит другого, чисто из любезности, все равно же по пути, потом люди начинают приглядываться друг к другу, в какой-то момент проскакивает между ними незримая искорка и пошло-поехало...

Славик переживал, маялся, каялся, клялся, порывался бросить пить, но в итоге начинал пить еще больше, звонил, умолял, угрожал, унижался... Потом как-то остыл. Первую смену в поликлинике отработывал, благоухая выхлопом после вчерашнего возлияния, вторую – свежим ароматом возлияния сегодняшнего. Администрация терпела, потому что такие универсалы, как Славик, могущие качественно посмотреть все – от щитовидной железы до гинекологии, на дорогах возле поликлиник не валяются. Такие все больше в крупных учреждениях работать норовят. Их право. К тому же Славик хоть и пил, но никогда не прогуливал, а стоило упереть датчик в тело, как датчик сразу же переставал ходить ходуном.

Бывшая жена, хоть и не была врачом и к Славику после всего пережитого относилась весьма неприязненно, понимала, что как врач он несмотря ни на что все еще о-го-го. Профессионализм пропивается в самую последнюю очередь, вместе с остатками ума. Славику еще было далеко до этого. Не так чтобы уж очень, но все же далеко. Поэтому, когда у нового мужа начало как-то подозрительно часто покалывать в правом боку, добрая женщина привела его к старому мужу на УЗИ. Что было – то сплыло, скорее всего рассуждала она, все забылось-перемололось, а врач он все же хороший...

Бес, язвы его в корешок, попутал Славика капитально. Явление бывшей супруги с новым мужем всколыхнуло в душе что-то потаенное, глубинное, черное.

Славик забыл, что жена, собственно говоря, в первую очередь ушла от него, не было бы этого кандидата, так ушла бы к другому. Про свой долг и врачебную этику он тоже забыл. Поводил-поводил датчиком, да и выдал заключение – рак печени с метастазами по всей брюшной полости. Четвертая стадия, она же последняя. Еще и поудивлялся тому, что пациент до сих пор жив, а бывшей жене, уловив удобный момент, шепнул на ушко, что она может в любой момент того... вернуться назад и зажечь так же «счастливо», как и раньше. «Счастливо», потому что живой муж, хоть и пьющий, все же лучше мертвого. Мертвецы, конечно, никаких пороков не имеют, но и с достоинствами у них тоже не очень-то хорошо.

Скандал грянул через полторы недели, когда не главному врачу и не начальнику окружного управления, а в Департамент здравоохранения Москвы пришла жалоба от нового мужа с приложением трех заключений УЗИ – Славиковского «терминального» и двух других, сделанных в разных местах, но единых по выводам и не нашедших у пациента ничего, кроме камней в желчном пузыре. Шум вышел очень большой, потому что Славик, сам того не желая, уго-

дил под очередную кампанию департамента, направленную на очистку медицинских рядов от скверны и грязи. Диплома не лишили, конечно, но нервы потрепали, из поликлиники уволили, на всю Москву ославили.

Исаев Славика осуждал. Все, конечно, понятно – любил, не перегорел еще, эмоции... Но так вот тоже нельзя, этика этикой, а человеком надо оставаться всегда. Особенно, если ты врач. Врачу без гуманности нельзя.

Видимо, слишком сильно осуждал Славика Исаев, пренебрегая известным всем заветом из Нагорной проповеди «не судите, да не судимы будете»¹, и Провидение решило устроить ему похожее испытание, макнуть с головой в тот же омут. Ну, по обстоятельствам не совсем в тот или даже совсем не в тот, но суть едина. Случилось это в солнечный летний вечер на стоянке около супермаркета. Исаев вышел из дома за пивом и креветками (приперло так, что просто невозможно), купил желаемое и с пакетом в руках пересекал стоянку, когда его толкнул задом черный «Ниссан», выезжавший со своего места. Толкнул несильно, но с ног все-таки сбил. Исаев поднялся и в коротких, но емких выражениях сообщил вышедшему из машины амбалу, кто тот есть такой. Амбал разозлился и коротким, но резким ударом в челюсть (чувствовались сноровка, закалка и тренировка) сбил Исаева с ног. Для полноты впечатления еще и два раза добавил ногой под ребра, скотина, а потом сел в машину и уехал, процевив на прощанье сквозь зубы традиционное: «Знай, на кого гавкать, сука».

Сказать, что Исаеву было обидно, это еще ничего не сказать. Даже то, что пиво, будучи баночным, без ущерба пережило два падения, ничуть не обрадовало. Да и до пива ли было? Пиво – напиток веселого безделья, пиво – прекрасный утолитель жажды, пиво – хорошая возможность помедитировать с запотевшим бокалом в руке. Если тебя унизили, а заодно и избili, то о пиве лучше не вспоминать. Кряхтя, охая и хватаясь за бок, словно столетний дед (кажется, ребра целы, хоть на том спасибо), Исаев вернулся в супермаркет за водкой. Предусмотрительно купил литровую бутылку, чтобы уж наверняка заглушить обе разновидности боли – как душевную, так и физическую. Душевная, надо признать, терзала сильнее.

На дежурство надо было выходить только послезавтра, поэтому можно было надраться в хлам, что Исаев и сделал к огромному неудовольствию жены, которую он не стал посвящать в причины внезапного своего пьянства. Только разволнуется да разворчит. Жена Люся, несмотря на молодой тридцатилетний возраст, была исключительно ворчливой. Наследственность. Теща в свои шестьдесят два ворчала даже во сне. Люся пока спала молча, но, когда не спала, по любому, даже самому незначительному поводу, могла завестись на весь день.

Следующий день прошел в лечении похмельного синдрома домашними методами – огуречный рассол да слабенький чаек с вишневым вареньем. На варенья, соленья и супы Люся была великая мастерица, а вот пирожки или, к примеру, котлеты, короче говоря – все то, что есть фарш, ей не удавалось. Ребра болели, болели сильнее, чем вчера (закономерно – ничего удивительного), но перелома не было. Сколько Исаев ни шупал себя, участков резкой болезненности он не выявил. И своеобразного хруста костных отломков тоже не выявил. Повезло, гад бил со всего размаха, как футболист по мячу, и дважды попал практически в одно и то же место. «Матушка Москва бьёт, родимая, с носка», – вспомнил Исаев любимую поговорку матери.

В душе родилась и окрепла Мечта – встретить гада в каком-нибудь укромном месте, в Ботаническом саду или, скажем, в Лосином острове. И как следует, не стесняясь в выражениях и действиях (в юности Исаев конкретно занимался боксом, оттого, наверное, и драться не любил) объяснить ему, как он не прав. О большем, о том, чтобы гада привезла к нему с трансмуральным, в просторечии называемым крупноочаговым, инфарктом миокарда «Скорая», Исаев и не мечтал. Мечтать ведь тоже надо о том, что сбывается, а не о каких-то химерах несбыточ-

¹ Матф. 7:1.

ных. Впрочем, и про Ботанический сад тоже была химера. Такие типы не гуляют под сенью деревьев, наслаждаясь мимолетным чувством единства с природой. Они больше по кабакам и ночным клубам тусуются. Каждому – свое удовольствие.

На работе о случившемся Исаев тоже не рассказывал. Какой интерес рассказывать, что тебя ни за что ни про что отмудохали в твой законный выходной? Поплакаться на жизнь, чтобы посочувствовали, – это не про Исаева. Его на работе давно прозвали Штирлицем. Не столько за фамилию, сколько за нордическую сдержанность характера. И вообще, Исаев предпочитал забывать о неприятном, чтобы не травить душу зря. Ну, не совсем чтобы забывать, но, во всяком случае, не обсуждать и вообще стараться не вспоминать. Если работаешь врачом, да еще в реанимации, то надо уметь не только брать в голову как можно меньше, но и как можно больше из нее вытряхивать. Ненужного, разумеется.

Через две недели (самый оптимальный, надо сказать, срок, за который гнев может и должен утихнуть, но угаснуть не угаснет). Провидение послало Исаеву сюрприз. Доставила сюрприз знакомая бригада с девятой подстанции. Заодно и новость прикольную рассказала.

– Нас сегодня всех разогнали, а подстанцию оцепили.

– Очередной придурок вас «заминировал»? – поинтересовался Исаев, пробегая глазами перечень препаратов, введенных на догоспитальном этапе.

– Хуже, – усмехнулся врач. – У одного из водил в шкафчике снаряд нашли.

– Шутить изволите, – усмехнулся в ответ Исаев.

– Какие шутки? Настоящий артиллерийский снаряд. Старший фельдшер пошла с санитарным рейдом по шкафам и наткнулась...

«Санитарный рейд» – это осмотр шкафчиков на предмет хранения пищевых продуктов и немедленного их выбрасывания, поскольку хранить еду в шкафчиках строго запрещено санитарными правилами. Администрация призывает и настоятельно рекомендует хранить еду в холодильниках, а сотрудники резонно отвечают на это, что из холодильников много чего пропадает, лучше уж в шкафчиках, под замком. Так надежней.

– Зачем водителю снаряд? – удивился Исаев.

Патроны еще куда бы ни шло, но какой прок в хозяйстве от снаряда?

– Не знаю, – пожал плечами доктор со «Скорой». – Он вообще какой-то странный, весь в себе. Может, коллекционирует.

Исаев представил коллекцию артиллерийских снарядов в своей квартире. Впечатлило.

Пациент был интубирован, поэтому Исаев узнал его не сразу. Отметил про себя машинально: «где-то я его видел», но мало ли в Москве коротко стриженных широколицых мужиков. Тысячи.

Пациенту повезло, насколько это определение вообще применимо к человеку со свежим трансмуральным инфарктом. «Скорая помощь» подоспела быстро, не застрыв ни в одной из пробок. На догоспитальном этапе провели тромболитическую терапию, то есть, говоря человеческим языком, еще дома (вызывал он на дом) ввели препарат, растворяющий тромбы, значительно улучшив тем самым кровоснабжение пострадавших участков сердечной мышцы. Госпитализация прошла без неприятных сюрпризов в виде остановки сердца или нарушений сердечного ритма, что позволяло надеяться...

Только позволяло, потому что всяко в жизни случается. Однажды у Исаева пациентка умерла во время транспортировки в отделение. Отлежала в кардиореанимации пять суток, стабилизировалась, а на каталке выдала фибрилляцию². Так и не доехала до палаты. Заведующего кардиореанимацией и дежуривших в тот день врачей долго и усердно прорабатывала администрация. Дело закончилось выговорами и лишением премии. А за что, спрашивается? Кто мог

² Фибрилляция – угрожающее жизни состояние сердечной мышцы, при котором отсутствуют эффективные сокращения, отдельные группы мышечных волокон сокращаются разрозненно, хаотично.

предугадать, что стабилизировавшаяся пациентка вдруг «зафибриллирует»? Она могла сделать это и в отделении неотложной кардиологии, и при выписке, и дома... да когда угодно. От выговора не спас даже профессорский обход, проведенный накануне и рекомендовавший перевод в отделение на следующий день. Врачей принято ругать, принято быть недовольными ими (сильно или чуть-чуть), а задумывался ли кто-то из хулителей и критиканов о том, как часто врачи получают за то, в чем нет их вины. Впрочем, наверное, не задумывался. Как писал Чехов, тоже, кстати говоря, бывший врачом: «Критиканы – это обычно те люди, которые были бы поэтами, историками, биографами, если бы могли, но испробовав свои таланты в этих или иных областях и потерпев неудачу, решили заняться критикой».

Узнал его Исаев позже, когда, убедившись в том, что с дыханием у пациента проблем вроде бы нет (тьфу-тьфу-тьфу, конечно), извлек из трахеи трубку. Трубка – это удобно, но без особой нужды держать ее в трахее не следует, травмирует она, хоть и гладкая да эластичная. Как-никак – инородное тело. Узнал – и не поверил. Посмотрел еще раз, внимательно, можно сказать – все лицо глазами ощупал, и только тогда убедился, что это он, тот самый гад со стоянки у супермаркета.

«Кино и немцы! – подумал Исаев, воскрешая в памяти инцидент. Кому рассказать – не поверят. Ну и ну... И что мне теперь делать?»

Одно дело – встретить недруга в укромном месте и совсем другое, когда он лежит в койке и смотрит на тебя взглядом, в котором скорбь смешана с надеждой, и еще какая-то собачья преданность присутствует. Мол, что угодно сделаю доктор, все выполню, все перетерплю, лишь бы поскорее уйти отсюда и, желательно, вперед головой а не ногами. Все закономерно – реанимация есть реанимация. Здесь иногда умирают.

Возможностей для мщения было не перечить. От укольчика, который в считанные секунды отправит пациента на небеса (и хрен потом кто что докажет!), до перевода на самую беспокойную койку – у самой двери, напротив сестринского поста. В реанимационных залах, точно так же, как и в тюремных камерах и лагерных бараках, чем дальше от дверей, тем спокойнее и почетнее. Опять же – на посту вечная суета, хоть и негромкая, но все же суета. Правда, обычно и кладут перед постом самых тяжелых, тех, кому лучше в буквальном смысле находиться «на глазах» у персонала, тех, кому до шума и мимоходящих нет никакого дела. Или просто пару раз дать в зубы, чтобы закрыть счет? Хороша удаль – бить беспомощного больного человека! А беспомощного сбитого с ног человека пинать – это вам как?

Вспомнив сакраментальное «Знай на кого гавкать, сука», а главное – презрительный тон, с которым были сказаны эти слова, Исаев немного «подзавелся». Не до такой степени, конечно, чтобы трясущимися от нетерпения руками набирать в шприц что-нибудь абсолютно противопоказанное пациенту, но до такой, чтобы внятно, в деталях, совсем как наяву представить себе последствия летальной инъекции. Представив один вариант, переходил к другому. Если так – то просто заснет и не проснется, если так – то похрипит напоследок, а можно ведь и так, чтобы в судорогах нечто вроде твиста на койке станцевал, но этот вариант может вызвать вопросы на вскрытии, а вот первые два никаких вопросов не вызовут. Одним летальным исходом будет больше. Ничего страшного, статистика выдержит. Да и диагноз такой, что даже ругать не станут.

Доиграй в уме ситуацию – и отпусти. Исаев отпустил, даже укорил себя за кровожадность и непрофессионализм, а вот ситуация его не отпускала. Хотелось непременно сделать гаду что-то нехорошее, и в то же время не хотелось. Ни бить, ни пинать, ни, Боже упаси, вводить что-нибудь противопоказанное, ни переводить к дверям, тем более что прямо перед постом лежал коварный в своем безумии дед Толоконников, которого в другое место не положишь – сразу хулиганить начнет. Хулиганства у Толоконникова были аховые – душить соседа подушкой, швырять в окно уткой (не той, которая летает, если кто не в курсе, а той, в которую справляют малую нужду), пытаться стащить с кронштейна монитор. Для фиксации к деду Толоконникову

меньше чем втроем соваться не стоило – расшвыряет, и это несмотря на почтенный семидесятишестилетний возраст и третий инфаркт в анамнезе. Вот что аффект с человеком делает. Сейчас дед спал, осмотренный психиатром и получивший все, что нужно для глубокого спокойного сна. Исаев надеялся, что дед благополучно проспит до утра. Правда, в отделение его, буйну головушку, хрен переведешь, потому что психиатр прописал Толоконникову постоянное наблюдение, а в отделении туговато с сестрами и никто деду отдельную медсестру не выделит, но это уже проблемы заведующего отделением. Исаеву бы день простоять да ночь продержаться, а там хоть трава не расти двое суток до следующего дежурства. Никакого равнодушия – просто есть рабочее время, а есть нерабочее. «Делу – время, потехе – час», разве не так?

– Доктор, вы меня только подлечите как следует, я в долгу не останусь.

Если бы Исаеву досталась хоть сотая часть от всего обещанного пациентами в приступах благодарности, то он давным-давно бросил бы работать. Какой смысл работать, если ты обеспечен на всю оставшуюся жизнь и еще немного сверх того? Ну разве что на полставочки в месяц выходить – это же всего три дежурства. Чисто для того, чтобы не выпадать из горячо любимой медицины.

– Мы всех лечим, – сухо ответил Исаев, – а про «в долгу не останусь» лучше не начинайте. Я же не прошу и не намекаю, разве не так?

– Так.

– Вот и вы не намекайте.

– Не буду, – пообещал пациент. – Извините.

Странно, но brutальный гад оказался просто идеальным пациентом. Не требовал повышенного внимания, хотя на роже было написано, что он не из простых работяг. Соглашался со всем, что ему говорили. Мочился в утку, не пытаясь ходить в туалет самостоятельно. Не рассказывал о своей крутизне и «высокопоставленных» знакомствах. Не требовал дать ему мобильник. Идеальный Пациент, хоть орденом его награждай.

А самым интересным были место работы и должность, указанные на титульном листе истории болезни. Гад, превратившийся на время в Идеального Пациента, работал в Российском химико-технологическом университете имени отца русской водки Менделеева. На кафедре коллоидной химии. Доцентом. «Ну и доценты нынче пошли, – подивился про себя Исаев, – совсем как в «Джентльменах удачи». Хорош доцент». Стереотипы живучи, и в представлении большинства людей доцент был и остается интеллигентным человеком. Вообразить себе, что доцент из уважаемого столичного института (да пусть и из провинциального, какая разница?) избивает человека, которого едва не задавил своим автомобилем... Воображать Исаеву не было нужды. Достаточно вспомнить.

Во время скорого ужина Исаев попросил свою напарницу доктора Воронину:

– Свет, давай обменяемся. Моего Мацыркевича на кого захочешь.

Система в реанимации простая. Если дежурят два врача, то утром они делят пациентов пополам (условно, конечно, случись что, и двое к одному бегут), а потом принимают поступающих по очереди и ведут их до конца смены.

– С чего бы это, Исаев?! – изумилась Воронина, щуря глаза. – Мацыркевич твой лапагуся. Стабильный, вмняемый, не срется, не орет... или там какая-то скрытая подлянка? А то я так с Беляевым поменялась однажды. На бабку с шизофренией...

Воронина была доброй и, несмотря на свой сорокалетний возраст, очень доверчивой женщиной. Этим часто пользовались. Все – и коллеги, и пациенты, и их родственники.

– Идеальный пациент, Свет, никаких проблем. Чтобы мне до конца года ни одной спокойной ночи не иметь, если вру!

До конца года оставалось три с лишним месяца, поэтому клятва произвела впечатление.

– А в чем же тогда дело?

– Я к нему личную неприязнь испытываю, – признался Исаев. – Такую, что с души от его вида воротит. С одной стороны, руки чешутся зубы ему пересчитать, с другой – надо свое дело делать. Извелся я совсем, муторно мне как-то.

– А ты ему высказывал свою неприязнь? – поинтересовалась Воронина.

– Нет, – покачал головой Исаев. – Он, кстати говоря, меня не узнал. Только я его...

– Так выскажи. Сразу полегчает.

– Ага, выскажи. Чтобы он разволновался и отчебучил чего-нибудь веселого на ночь глядя.

– Как хочешь, Исаев! А меняться я не стану. Попал к тебе, так попал. Он же меня замучает вопросами – почему да отчего вдруг доктор сменился. Колбасу будешь доедать?

– Не буду, – отказался Исаев.

– Ах да, у тебя же аппетит пропал на фоне личной неприязни, – вспомнила Воронина, перекладывая четыре оставшихся кружочка колбасы на свой бутерброд с сыром.

«Ближе к выписке непременно все ему выскажу, – решил Исаев, – посмотрю в глаза и скажу, что не стоит так не по-людски себя вести. Хотя бы ради интереса все выскажу, чтобы на реакцию его посмотреть. Удивительно все-таки, как инфаркт меняет людей – то волком смотрел, а сейчас – овца овцой».

Вечером, около половины девятого, явилась жена Мацыркевича. Милая такая женщина, вежливая, очень взволнованная. Исаев вышел к ней, рассказал вкратце то, что можно было рассказать о состоянии Идеального Пациента, в реанимацию («ну хотя бы на секундочку, я же в бахилах!»), разумеется, не пустил, из большого пакета с провизией разрешил только воду без газа и вишневым соком. Жена Мацыркевича настаивать не стала, воду с соком, так воду с соком. На прощанье «проявила сознательность» – попыталась сунуть в карман исаевского халата две яркие пятитысячные бумажки. Исаев перехватил ее руку и мягко отвел в сторону. Не столько потому, что деньги у пациентов и их родственников брать нехорошо и опасно (семь уголовных дел с начала года), сколько потому, что взять деньги в этом конкретном случае было просто невозможно. Жена настаивать не стала, только поинтересовалась, можно ли утром привезти Мацыркевичу домашнего ягодного киселя и белье, про которое она впопыхах забыла. Исаев разрешил, но предупредил, что в реанимации положено лежать нагишом (голового реанимировать проще, не надо тратить время на раздевание, и мыть-перестилать тоже проще), поэтому с бельем можно не торопиться. А ягодный кисель – это хорошо, самое то в первые послеинфарктные дни, не калорийно, легкоусвояемо и работу кишечника немного стимулирует. Пусть ест его Мацыркевич ложечкой и радуется жизни. А вот доктор Исаев жизни не радуется, потому что странный он какой-то, можно сказать – тупой и недалекий. Другой на его месте хотя бы в кисель Мацыркевичу плюнул, чтобы душу отвести. Так то другой, а то Исаев, рефлексирующий псевдогуманист. Был бы настоящим гуманистом – лечил бы Мацыркевича, не держа на него зла. Клятву давал по окончании института? Текст напомнить? Можно не весь текст, а только одну строку: «никогда не обращать мои знания и умения во вред здоровью человека, даже врага». Вот и поступай в соответствии. И не терзайся противоречиями.

Исаев так и поступал – наблюдал, контролировал, назначал, словом, делал все, что требовалось. Понадобилось бы реанимировать – реанимировал бы. И не для виду, а как надо. Только вот смотреть на физиономию Мацыркевича было противно.

Тот тоже заметил неладное, потому что утром, когда Исаев подошел к нему для оценки состояния, сказал:

– У вас, наверное, какие-то проблемы, доктор?

– С чего вы так решили? – удивился Исаев.

– Взгляд у вас такой... смурной, – гад, оказывается, и смущаться умел. – Я не лезу в ваши дела, но просто хочу пожелать вам, чтобы все у вас было хорошо. От чистого сердца.

От такого мелодраматического оборота, который хорош для сериала, но в жизни смотрится неестественно, Исаев немного прибалдел. Настолько, что чуть было не утратил самоконтроль, но вовремя спохватился, прикусил язык, придержал зачесавшиеся руки и ответил:

– Я просто устал...

После утреннего обхода заведующего отделением (во время этого обхода пациенты как раз и передаются от новой смены к старой), Исаев спокойно почтаевичал под любимое овсяное печенье с изюмом, рассказал шефу анекдот, повесил на плечо сумку и направился в раздевалку. Вышел из отделения и столкнулся буквально нос к носу с Мацыркевичем, будь он трижды неладен. Только одет Мацыркевич был не в провода, тянущиеся к монитору, а в черное – черную кожаную куртку, черный джемпер, черные брюки. И обут в черные остроносые полуботинки. Здравствуй, Черный Пациент – кошмар каждого уработавшегося доктора.

– Я брат Романа Мацыркевича, которого вчера к вам привезли, – пробасил Черный Пациент. – Передачу ему привез, жена собрала, и хотел бы узнать, как прошла ночь.

Секунд двадцать Исаев осмысливал происходящее и сравнивал брата с образом, врезавшимся в память. Вот это точно он, и взгляд совпадает, и выражение лица то же, и голос... Даже ботиночки, кажется, знакомые, остроносенькие.

– Вы близнецы? – зачем-то спросил Исаев, хотя уточнять очевидное не было никакой нужды.

– Близнецы.

– Давайте передачу, – протянул руку Исаев. – Я отдам ее на пост и отвечу на ваши вопросы.

«Спасибо» в ответ не прозвучало. Видно птицу по полету, добра молодца по соплям, то есть – по манерам.

Разговаривать у дверей отделения Исаев не стал. Нежно взял гада номер два, который и был настоящим гадом, под локоток и увел в ближайшее укромное место – небольшой «карман», образованный двумя выступами стены.

Дело – прежде всего.

– Состояние вашего брата стабильное, – сказал Исаев, – ночь прошла спокойно. Три ближайших дня он проведет у нас, а потом будем решать. А теперь я хотел бы расплатиться.

– Вы? – удивился настоящий гад.

Колпак, халат, да и вся больничная обстановка в целом меняют лица, делают их неузнаваемыми.

– Я, я, – ответил Исаев и пустил в ход полузабытые боксерские навыки.

Мечта сбылась, да так, что лучше не бывает. Резкий хук в зубы (гад стоял спиной к стене, так что затылком о бетон приложился знатно), прямой в солнечное сплетение, снизу коленом еще раз в зубы и сверху по шее рубануть-припечатать. На все про все – секунд пять. Тело с удовольствием вспомнило давнишние навыки и желало продолжения разминки.

Пинать поверженную тушу ногами Исаев не стал. Не хотел опускаться до уровня своего оппонента. На всякий случай предупредил:

– Будешь возникать, я найду двадцать свидетелей того, как ты на меня нападал, а я защищался. И не наезжай больше на людей.

«Наезжай» имело двойной смысл – прямой и переносный.

Оппонент начал медленно подниматься на ноги. Исаев развернулся и неторопливо (догоняй, если хочешь) пошел в раздевалку. Оглядываться не стал – во-первых, это могло испортить впечатление, а во-вторых, топота за спиной слышно не было.

Гад все-таки «возник». В суд, за отсутствием свидетелей, не подал, а жалобу на имя главного врача написал. Пожаловался на грубость доктора Исаева, умолчав о побоях. Видимо, решил, что побои ущемляют его несуществующее достоинство. Исаев, в свою очередь, написал объяснительную в лучших традициях отечественной «несознанки», отрицая как грубость (это

было правдой, ведь он не грубил, а воспитывал), так и сам факт общения с гадом (отрицать – так до конца). Главный врач поручил Инессе Карповне «разобраться и доложить».

Для таких сложных случаев у Инессы Карповны была своя система, заимствованная из детективов. Она пригласила к себе Исаева, имитируя работу с документами, помуржила его минут пять в своем кабинете, чтобы «выбить из колеи», и в лоб выдала:

– Я все знаю! Есть свидетели того, как вы грубили родственнику, но мне чисто по-человечески хочется услышать всю правду от вас.

Смотрела она при этом в глаза Исаеву – не забегают ли?

– Инесса Карповна, направьте ваших свидетелей к психиатру, – не моргнув глазом, не шевельнув бровью, не краснея, не бледнея и не отводя взора в сторону, посоветовал Исаев. – У них галлюцинации. А я при всем своем желании ничего больше вам сказать не смогу, потому что ничего не было. Жалобщику этому тоже, конечно, неплохо было бы показаться психиатру.

– А если я проведу очную ставку? – тон Инессы Карповны из требовательного стал угрожающим.

– Да хоть десять, – улыбнулся Исаев. – Итог будет тот же самый...

После того как Исаев ушел, Инесса Карповна «вышла к народу», то есть перешла из кабинета в офис, чтобы поделиться с подчиненными опытом.

– Глаза – вот ваш ориентир, – возвестила она, не вдаваясь в прелюдии. – Глаза – зеркало души. Не столько слушайте, что вам говорят, сколько следите за глазами собеседника, и вас невозможно будет обмануть!

«Лечебное» голодание

Если Инесса Карповна приглашает к себе в кабинет, то не для того, чтобы рассказать анекдот или показать фотографии. Значит, случилось что-то серьезное.

Никакой вины Женя за собой не знала, но все равно немного волновалась. Самую чуточку.

– Евгения Александровна, – Инесса Карповна даже с глазу на глаз не нарушала делового этикета и не обращалась к Жене по имени. – Я хочу дать вам первое самостоятельное поручение...

Ура! Наконец-то! Волнение сменилось радостью, а радость снова волнением. Только другого характера – теперь Женя волновалась, что не справится с поручением.

– В гинекологии...

«Тринадцатый этаж хирургического корпуса, – машинально отметила в уме Женя, еще в первый день своей работы изучившая топографию института. – Заведующая – Колыванова Елена Олеговна, научный руководитель – профессор Горина».

Склиф – это не простая больница, а научно-исследовательский институт. Поэтому в каждом отделении есть не только заведующий, но и научный руководитель. Порой подобное «двоевластие» рождает проблемы. Это случается тогда, когда научный руководитель борется с заведующим за единоличную власть. Но обычно двое руководителей как-то уживаются в одном отделении. Помнят, что худой мир лучше доброй ссоры, и стараются «притереться» друг к другу.

– ...проблема с буфетчицей...

«Меня в буфетчицы?» – ужаснулась Женя.

– ...одна нормальная, а другая – наглая хамка и алчная воровка!..

«А если бы одна была хамкой, а другая – воровкой, это как? Лучше или хуже?» – подумала Женя.

– Елена Олеговна не в состоянии с ней справиться...

Елену Олеговну Женя видела. Решительная женщина. Взгляд строгий, в голосе и всей манере поведения явственно ощущается властность. У такой не забалуешь, а уж чтобы она не могла с кем-то справиться... Что же это за монстр такой?

– ...потому что она очень наглая и вдобавок отлично знает трудовое законодательство. Не так, как я, конечно, но близко к тому...

Людей, отлично знающих трудовое законодательство, не любят ни начальники, ни кадрики. Это закономерно. Как можно любить человека, который в ответ на каждое слово заводит: «это противоречит такой-то статье Трудового кодекса»? Да никак!

– ...Елена Олеговна трижды пыталась ее уволить, но каждый раз – неудачно. С такими особами, – Инесса Карповна неодобрительно покачала головой, – нужно держать ухо востро, не давать им ни одного повода для оспаривания увольнения. А то они выиграют суд, восстановятся на работе, да еще и деньги за свой «вынужденный» прогул потребуют! И ведь придется заплатить, если суд присудит! Поэтому завтра собирается целая комиссия – главная сестра, представитель отдела кадров, то есть – вы, заведующая отделением и старшая медсестра. Вчетвером, я надеюсь, вы с ней справитесь!

«Ну а если нет, то придется мне самой...» – прочла Женя на лице начальницы. С поручением все ясно – не подобает Инессе Карповне, руководителю отдела кадров, ходить по отделениям и увольнять буфетчиц, пусть даже и очень продвинутых в плане трудового законодательства. Негоже, образно говоря, палить из пушки по воробьям. Ну а уж если припрет так, что деваться некуда, то тут уж ничего не поделаешь. Ракетой «земля-воздух» по воробью выстрелишь, лишь бы решить проблему раз и навсегда.

– А можно узнать, за что именно увольняют буфетчицу и какие мои полномочия? – воспользовавшись паузой в разговоре, спросила Женя.

– За что увольняют буфетчицу?! – с сарказмом переспросила Инесса Карповна, разводя руками. – За что увольняют буфетчицу?! Пора бы уже знать, что всех буфетчиц увольняют за два греха – воровство и антисанитарию!

Женя смутилась. Сразу же начали гореть, да какое там «гореть» – начали пылать уши. Действительно, что еще может натворить буфетчица?

– Мы все понимаем, и в отношении окладов и в отношении того, что работа каторжная...

Работа у буфетчиц и впрямь не сахар. Женя собственными глазами видела, как берут они на тележках тяжелые фляги с едой. Какой емкости эти фляги? Сорок литров или пятьдесят? И так три раза в день – на завтрак, на обед и на ужин. А еще есть полдник. Привези, раздай, посуду собери и перемой, фляги вымой, в буфете порядок наведи, а тут снова на пищеблок ехать пора.

– ...на что-то закрываем глаза, входим в положение, стараемся премию дать побольше...

«На что-то закрываем глаза – это как? – подумала Женя. – Пачку чая и килограмм сливочного масла в день домой унести можно, а вот две пачки чая и полтора килограмма масла уже нельзя? Или к грязи в буфете не придираемся?»

Уточнить не уточнила, потому что Инесса Карповна говорила, не давая вставить слово.

– ...но есть же рамки, границы, правила приличия, наконец! Порция гречневой каши не может равняться трем столовым ложкам! Масло нельзя нарезать так же тонко, как салями! Суп можно недолить немного, но разбавлять его водой из-под крана, некипяченой водой, это уже перебор! Это уже за границами добра и зла! Это уже недоступно моему пониманию! Эта мерзавка уносит домой чуть ли не половину еды...

– Зачем? – вырвалось у Жени.

– Семья у нее, видите ли, большая, и все есть хотят! А кто не хочет?! Может, больные в гинекологии не хотят?! Елене Олеговне уже жаловались на недоедание несколько женщин! Одна даже жалобу собиралась писать, еле удалось ее успокоить! Как вам это? В двадцать первом веке, в центре Москвы, да еще где – в институте имени Склифософского...

Жене захотелось встать по стойке «смирно», но она переборолла соблазн.

– ...голодают люди! Больные люди! Обирать больных, как это мерзко! Что бы сказал граф Шереметев?! Да он бы такую тварь велел бы тащить на конюшню и засесть до смерти...

«А почему челядь секли на конюшнях? – задумалась вдруг Женя. – Просторно, места больше? Или чтоб подальше от барских ушей? Почему не в погребе каком-нибудь, не в сарае, а именно на конюшне? А вроде бы не только на конюшне, в бане еще секли...»

– ...К сожалению, наше трудовое законодательство слишком гуманно! – свирепствовала Инесса Карповна. – Выговоры и лишения премий на таких, с позволения сказать, личностей не действуют, они воруют больше любой премии, а запись в трудовой книжке давно никого не пугает! Купит новую трудовую в подземном переходе, уже с печатями, а может, и со старой в другую больницу возьмут! Дожили, а?! Врача-трансплантолога³ найти легче, чем буфетчицу! Боже мой! Боже! Куда мы катимся?!

Прижав пальцы обеих рук к вискам, Инесса Карповна изобразила погружение в мрачные думы. Женя молча сидела на стуле, понимая, что нельзя, просто неуместно заговорить в такую минуту. То была не просто минута, а минута скорбного молчания.

– Впрочем, дерьма хватало и в годы моей юности, – призналась Инесса Карповна, отнимая руки от висков. – О природе человеческой еще древние авторы писали без особого восторга. Значит так, Евгения Александровна, с буфетчицей Панячкиной надо кончать. В смысле окончательного, бесповоротного и безоговорочного увольнения. Прямо завтра, в обед. При-

³ Трансплантолог – специалист по пересадке органов.

дете, поймаете ее с поличным на раздаче неполных порций, задокументируете грязь в буфете и оформите все должным образом. Антисанитария, к вашему сведению, Евгения Александровна, в сто раз опаснее воровства, потому что антисанитария приводит к вспышкам желудочно-кишечных инфекций, а то и к эпидемиям! Учтите это, пожалуйста!

– Учту, – пообещала Женя, – только хватит ли мне опыта...

– Санитарными вопросами займется главная медсестра, – успокоила Инесса Карповна, – ваше дело – проследить за тем, чтобы правильно оформили акты и вообще – засвидетельствовать. В таких делах чем больше народу участвует, тем лучше. Однако целой дивизией приходить ради одной воровки тоже незачем. Четырех человек вполне достаточно. Местная администрация, верховная администрация и представитель отдела кадров. Заместитель директора института по общим вопросам там совсем ни к чему.

– А кого ходит увольнять заместитель директора по общим вопросам? – поинтересовалась дотошная Женя.

– Он не ходит, а вызывает к себе, – Инесса Карповна слегка нахмурилась, давая понять, что не стоит отвлекаться от главной темы. – С инструкцией по организации лечебного питания еще, наверно, не было случая ознакомиться?

– Нет.

– Попросите у Раисы Андреевны. Главное, на что вам следует обратить внимание, – это соответствие раздаваемых и документированных порций. Есть такой документ – сводное семидневное меню, недельная, так сказать, программа пищеблока. В нем указывается выход всех блюд, то есть – их вес и выход буфетных продуктов, выдаваемых на руки. Хлеб тоже взвесьте, его тоже недодают. Если крадешь масло, то надо украсть и то, на что его мазать, не так ли?

Женя улыбнулась, давая понять, что по достоинству оценила шутку.

– Если она откажется подписывать акт – сделайте запись об этом и не забудьте расписаться под ней всей комиссией. И попрошу без эмоций, как бы она вас там ни провоцировала. Елену Олеговну в последний раз чуть до слез не довела...

Весь вечер Женя готовилась к завтрашнему дню. Репетировала перед зеркалом строгое лицо, перечитывала нужные места из Трудового кодекса, вызубрила инструкцию по организации лечебного питания. Трусить не трусила, чего там трусить, но, по вечному своему обыкновению, волновалась. Врожденный перфекционизм не давал покоя.

– Гинекология у нас отличная, – сказала Жене главная медсестра Ольга Владимировна, когда они вместе шли по двору. – Можно обращаться с любой проблемой.

Жене пока не требовалось обращаться за неимением проблем (тьфу-тьфу-тьфу), но было приятно сознавать, что в случае чего есть куда обратиться. Да еще не где-нибудь, а в Склифе. Уже на второй неделе работы Женя стала рьяной патриоткой института, почти такой, как Инесса Карповна. А еще было приятно идти по важному делу в компании с Ольгой Владимировной.

– Я хвалю гинекологию не потому что каждый кулик свое болото хвалит, – добавила главная медсестра, неверно истолковав довольную улыбку Жени. – Начинала я в шестьдесят пятой больнице, так вот про их гинекологию слова доброго сказать нельзя. Знаете шестьдесят пятую больницу?

– Знаю, – уверенно сказала Женя, хотя на самом деле понятия о такой больнице не имела.

– Бардак, страшная текучка, осложнения у каждой первой...

Выражение «у каждой первой» Жене понравилось. Прикольное.

– ...про ежедневные скандалы с населением я вообще не говорю...

А вот называть пациентов «населением» как-то не очень. Это Жене не понравилось.

– ...А у нас не отделение, а картинка. Сейчас избавимся от этой паршивой овцы, и все будет хорошо. У меня уже и кандидатура подобрана, женщина из Волгограда, скромная, ответ-

ственная, – главная медсестра вздохнула, – хотя все они ответственные, пока работать не начнут.

– Не лучше ли платить больше, но взамен иметь качественных сотрудников? – спросила Женя, чтобы поддержать серьезный разговор.

– Хм... У меня, слава богу, неплохая зарплата, – ответила главная медсестра, – но я не готова доплачивать из нее каждой буфетчице. К тому же если разделить мою зарплату на всех, то выйдет около двух тысяч на нос. Так проблему не решишь.

Женя в уме умножила примерное количество отделений на две тысячи и впечатлилась. Вспомнила, что в каждом отделении должно быть по две буфетчицы, умножила полученный результат на два и впечатлилась еще больше. Потом сообразила, что в таких отделениях, как патологоанатомическое, рентгенодиагностическое или отделение компьютерной томографии буфетчиц нет, так же как нет их и в лабораториях, и решила пересчитать позже, на досуге.

– А как ее можно решить, Ольга Владимировна?

– Ой, не нашего с вами ума это дело! – махнула рукой главная медсестра. – Нам надо с Панячкиной быстро разобраться... Вы не поверите, Евгения Александровна, после того, что мне о ней нарасказывали, меня уже сейчас, на подходе трясотины начинает.

«Что же это за монстра такая?», подумала Женя.

«Монстра» оказалась невысокой и невзрачной женщиной лет пятидесяти, быстрой в движениях и разговоре.

Комиссия нагрянула в буфет вовремя – раздавали второе. Ольга Владимировна с извинениями забрала тарелку с картофельным пюре и половинкой котлеты у одной из больных, отходивших от раздаточного окошка, дождалась, пока буфетчица даст ей другую тарелку (на сей раз пюре лежало горой, а половинок котлет было две) и понесла в «рабочую» половину буфета, к весам. Старшая медсестра тем временем привела на замену буфетчице кого-то из медсестер, которая продолжила раздавать пищу.

– Что и требовалось доказать! – удовлетворенно сказала главная медсестра, взвесив порцию.

Вместо положенных двухсот сорока пяти грамм, на тарелке лежало всего сто семьдесят грамм пюре. Котлеты, согласно семидневного меню, должны были выдаваться целиком, а не по половинке.

– Они все равно столько не съедают! – с места в карьер завелась буфетчица. – Обедаться вредно, а многим, которые поперек себя толще, вообще лечебное голодание надо прописывать! Что, больше мне делать нечего?! Кручусь тут одна как савраска, на шестьдесят человек! Сначала раздаю, потом выбрасываю! Зачем делать двойную работу?!

Голос у нее был неприятный, визгливо-надсадный, отдающийся в ушах звоном.

– Поэтому выбрасываете сразу, да?

– Не выбрасываю, а собираю для Елены Олеговны! – буфетчица указала рукой на две большие кастрюли, стоящие в углу прямо на полу. – Она каждый день забирает, говорит, что для собаки...

– Зачем вы врете?! – возмутилась заведующая отделением, мгновенно краснея. – Что я у вас забираю?! У меня и собаки никакой нет!

– Значит – сами едите! – буфетчица криво усмехнулась. – Котлетки вкусные, диетические, двадцать процентов мяса, восемьдесят – хлеба! Для фигуры – самое то! А масло и сахар я Галине Афанасьевне отдаю! Для кого – не знаю. Я не спрашивала, а сама она не говорит.

– Что ты несешь, Света?! – вступила в полемику старшая медсестра. – Когда я забирала у тебя масло? Кто это видел?

– Кому Света, а кому и Светлана Алексеевна! А видеть никто не видел, что вы дуры – при свидетелях воровать?! Воруют всегда тайком.

Главная медсестра подошла к кастрюлям, наклонилась, сняла с обеих крышки и пригласила остальных членов комиссии:

– Прошу убедиться!

– А вот масло! – буфетчица подскочила к холодильнику.

На стол шлепнулся приличный, грамм на четыреста кусок сливочного масла.

– А вот сахар!

Бумажный пакет с сахаром она перевернула над маслом и держала до тех пор, пока весь сахар не высыпался.

– Вы с ума сошли? – поинтересовалась главная медсестра. – Зачем портить продукты?

– А вам-то какая печаль?! – грубо откликнулась буфетчица.

– Такая, – ответила главная медсестра и подошла к мойкам. – А что это у вас за тарелки? И что на них? Манная каша, кажется? С завтрака не помытыми лежат?

– Я собиралась их замочить, а вы мне помешали!

– Тарелки лежат с завтрака, мы пришли в разгар обеда, – главная медсестра провела пальцем по дверке шкафчика, висевшего над мойкой. – Где логика?!

– В Караганде!

Главная медсестра открыла шкафчик, заглянула внутрь, но пальцем ничего трогать не стала, затем закрыла дверку и сказала:

– Пойдемте в палаты к лежачим.

– Что значит «пойдемте в палаты»? – возмутилась буфетчица. – Там что, тоже будете взвешивать?! Хорошее дело – они уже все сожрали, а я отвечаю!

– А мы не завешивать, – ответила главная медсестра. – Мы поговорить.

– Компромат собирать!

– Компромата, Светлана Алексеевна, нам уже хватит. Уменьшенные порции, плюс немытая посуда, плюс хулиганская порча продуктов, – главная медсестра указала глазами на засыпанное сахаром масло. – Выше крыши, как говорится. Вы пойдете с нами?

– Конечно, пойду!

Отделение было забито под завязку, несколько кроватей стояло в коридоре. Перегрузка. Женя подумала, что, случись ей попасть сюда, она бы предпочла лежать в коридоре, только не возле туалета или у поста, а вон там, в самом конце, прямо под окном. Рама на вид хорошая, пластиковая, дуть от окна вроде бы не должно.

У четверых лежачих больных главная сестра интересовалась тем, кто им приносит еду. Все в один голос ответили, что еду приносят соседки по палате, иначе придется есть совсем остывшее, потому что буфетчица приносит еду очень поздно. В палатах буфетчица помалкивала, только глазами сверкала гневно, а в коридоре снова разоралась:

– А когда мне разносить?! Если медсестры не помогут, то что ж теперь – разорваться?! Рук-то две!

– Сначала надо разнести еду лежачим, а потом начинать раздачу, – не оборачиваясь, сказала главная медсестра. – Вы же «буфетили» в пяти стационарах, должны знать.

Женин лексикон пополнился еще одним словом – «буфетить». А как в этом духе назвать работу кадровиков? «Кадрить»? «Кадровать»?

– В раздаче всегда медсестры помогают! – парировала буфетчица. – Только за это их подкармливать надо, а мне нечем, потому что меня каждый день заведующая со старшей обдирают как липку!

– Ну вы бы хоть в коридоре не орали, – прошипела заведующая отделением.

– Что, правда глаза колет?! – буфетчица еще больше повысила голос. – Или прокурора боитесь?! Вы уже на моей памяти наворовали в особо крупных размерах! По вам тюрьма плачет!

В кабинете заведующей отделением главная медсестра сказала:

– Сейчас пишем акт. От работы я вас, Панячкина, отстраняю, буфет передайте Галине Афанасьевне. Завтра с утра придете в кадры за трудовой книжкой.

– А сегодня я пойду в прокуратуру!

– Идите куда хотите, хоть... – тут главная медсестра осеклась и обернулась к старшей сестре: – Пишите акт, Галина Афанасьевна.

Старшая сестра села за стол и через пять минут акт был готов. Пока она писала, Женя, заведующая отделением и главная медсестра сидели на стульях, шеренгой протянувшихся вдоль одной из стен, и время от времени обменивались многозначительными взглядами. Буфетчица же встала у окна и смотрела то вверх на свинцово-пасмурное небо, то вниз – на двор и другие корпуса Склифа.

Расписываться в акте буфетчица, как и ожидалось, не стала.

– Не согласная я с вашими выводами! Почему не написано, для кого я еду собирала?! Ничего подписывать не стану! И объяснительные не стану писать! Нечего мне вам объяснять! Прокурору объяснять стану!

Целое шоу устроила – прятала руки за спину, зажмурилась и трясла головой. Мол – пытайте, убивайте, увольняйте, а я не подпишу.

Пытать не стали – написали в акте, что «буфетчица Панячкина С.А. в присутствии комиссии в акте расписываться отказалась, выразив несогласие с содержанием».

– Вам еще повезло, Панячкина, – сказала главная медсестра, вкладывая акт в прозрачный файл. – Мы могли бы поступить и по-другому – прихватить вас с сумками, набитыми едой, на выходе из отделения. С полицией! Тогда бы вы по другому себя вели.

– Напугали ежа голой задницей! – рассмеялась буфетчица. – Ради таких объедков никто уголовного дела открывать не станет! Вы лучше их прихватите, – она указала пальцем сначала на заведующую отделением, а затем на главную медсестру. – Они выносят лекарства! И себя прихватите, когда спирт и наркотики станете выносить! Или вы вывозите, потому что в руках столько не унесешь?

«Ну и зараза! – подумала Женя, косясь на буфетчицу. – Всех обос. ла, кроме меня».

Несправедливость была тут же устранена.

– А это кто?! – буфетчица уставилась на Женю так, словно заметила ее только что. – Новая директорская проститутка?! Пришла учиться, как правильно над людьми изгаляться?

– Я – специалист по кадровой работе! – срывающимся от возмущения голосом выкрикнула Женя, ожидавшая многого, но никак не того, что ее назовут «директорской проституткой». – И не смейте меня оскорблять!

Вышло как-то беспомощно, по-детски. Хорошо, что вмешалась главная медсестра.

– А за оскорбление можно и под суд, – сказала она, переводя взгляд с пышущей негодованием Жени на буфетчицу. – Вы, Панячкина, так всех достали, что мы все с удовольствием и к следователю ходим, и на суд явимся столько раз, сколько будет надо. Вам для полного счастья судимость нужна? Обеспечим.

– Вы судимостью меня не пугайте... – завелась было буфетчица, но главная медсестра кивнула заведующей отделением и старшей сестре и вышла в коридор.

Женя выскочила следом за ней, не забыв заклеить на прощанье буфетчицу гневным взглядом.

– Как впечатление, Евгения Александровна? – поинтересовалась Ольга Владимировна.

– Поганое, – честно ответила Женя.

– Привыкайте. Еще и не такое бывает. Помню, была у нас в токсикологии одна медсестра, так та, когда ее увольняли, разорвала на себе халат и пижаму и бегала по двору с воплями о том, что заведующий отделением хотел ее изнасиловать. Это с учетом того, что при ее разговоре с заведующим присутствовала я и старшая сестра. У нас, кстати, такое железное правило – с проблемными людьми в одиночку не общаться. Это касается как сотрудников, так и пациентов.

– Ну с пациентами-то мне не общаться, Ольга Владимировна.

– Ошибаетесь, – хмыкнула главная медсестра. – Некоторые приходят жаловаться на сотрудников к вам. Неужели еще ни разу не сталкивались?

Вечером Женя рассказала родителям о том, как иногда приходится увольнять сотрудников. Правда, про то, как ее обозвали «директорской проституткой», умолчала. Родители и без того смотрели сочувствующе.

– Знаменского на них нет, – сказал отец. – Вместе с остальными.

– Знакомая фамилия, но что-то сразу не припомню. Кто это? – спросила Женя.

– О времена, о нравы! Никакого интереса к творческому наследию, – покачал головой отец. – В качестве покаяния завари-ка чаю, а я, так уж и быть, расскажу тебе, кто такой Знаменский с товарищами. Можно даже кино посмотреть.

– Ну, конечно же, «Следствие ведут знатоки»! – Женя хлопнула себя по лбу. – А что, хорошая идея, давай про свалку посмотрим. Моя любимая история.

– Там целых три серии, – возразила мама. – Вы поздно ляжете спать и не выспитесь.

– Хочет дочь про свалку, значит, посмотрим про свалку, – вступился отец. – Менглет бесподобен в роли директора свалки! Жаль, что у него было так мало ролей в кино. Как неподражаемо он говорит: «Поздравляю вас, размеры наших хищений достигли величины, за которую дают высшую меру»!

«Вы уже на моей памяти наворовали в особо крупных размерах!», – вспомнила Женя, и ее передернуло от отвращения.

Прораб

Когда уходит в отпуск главный врач или директор, все сотрудники обычно радуются. Как за любимое начальство, которое наконец-то получило возможность отдохнуть немного от трудов праведных, так и некоторым послаблениям в режиме, неизбежно возникающим в отсутствие Больших Боссов. Но первая причина все же доминирует. Наверное. Больших Боссов не ждут из отпусков с нетерпением. Наоборот, часто говорят: «пусть подольше отдыхает».

Когда уходит в отпуск завхоз или заместитель директора по хозяйственным вопросам (в Склифе, кстати говоря, вопросы назывались не «хозяйственными», а «общими»), то его возвращения с нетерпением ждут все. Буквально начиная со второго дня отпуска, если не с первого. Больно много вопросов «замыкается» на Главных по Хозяйству. Без них учреждения едва ли не сиротеют.

Заместитель директора НИИ имени Склифософского по общим вопросам Арсений Георгиевич Байташев перед уходом в отпуск, как и подобает человеку ответственному, разгробал все завалы и старался переделать все дела. Чтобы, значит, на песчаный пляж с чистой совестью. И еще наперед указания всем раздавал, чтобы в его отсутствие никакие процессы не останавливались.

Весь Склиф знал за Байташевым такую привычку, и потому заведующий патологоанатомическим отделением Тутубалин совершенно не удивился визиту очередного подрядчика-прораба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.